

УДК 1(091)

И.Ш. Шенгеля, доцент, канд. филос. наук*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevtu.sebastopol.ua***НЕ ПОПАВШИЕ НА ПАРОХОД: НЕСОВЕТСКИЕ МЫСЛИТЕЛИ
В СССР 1920-Х ГОДОВ (Г.Г. ШПЕТ, П.А. ФЛОРЕНСКИЙ, А.Ф. ЛОСЕВ)**

Анализируется философское творчество Г.Г. Шпета, П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева в 1920-е годы и выделяется немарксистский характер их философствования.

Ключевые слова: феноменология, герменевтика, философия иконы, имя, миф, абсолютная и относительная мифологии.

В ноябре 1922 года из Петрограда в Германию отправился пароход, впоследствии прозванный философским. На самом деле таких «философских пароходов» было несколько. Шли они на протяжении конца 1922 – начала 1923 годов из Петрограда в немецкий Штеттин, из Одессы и Севастополя в Варну и Константинополь. Этими пароходами были отправлены в изгнание более ста видных деятелей русской культуры – университетская профессура – экономисты, правоведы, историки и даже представители точных наук и естествознания, а также литераторы и религиозные деятели. Но самое заметное место, при относительной своей немногочисленности, здесь занимали философы – элита русского религиозно-философского ренессанса – Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, П.А. Сорокин, Ф.А. Степун, С.Л. Франк и другие. Инициировано это изгнание было самим Лениным с жесткими условиями – пожизненная высылка с расстрелом на месте при возвращении без разрешения.

Акт высылки на Запад «цвета русской интеллигенции» в одной из эмигрантских газет назвали «щедрым даром». Действительно, это был «щедрый дар» (явно вопреки намерениям «дарителей»): дар – русской философии, давший ей возможность дальнейшего развития в новых условиях; дар – русской диаспоре, получившей ярких духовных лидеров; наконец, дар жизни самим изгнанникам, ведь при всех трудностях эмигрантской участи судьба оставленных на родине была много печальней.

Три философа, о которых пойдет речь в данной статье, не попали на этот пароход. Все они не были марксистами, более того, по мнению большевистских идеологов, являлись представителями идеализма, то есть разделяли философскую позицию, которая расценивалась теми же идеологами как враждебная для утвердившегося в СССР строя. К началу 20-х годов Г.Г. Шпет и П.А. Флоренский были яркими представителями философской плеяды серебряного века русской культуры и, казалось бы, им должны были быть забронированы места на «философском пароходе». Но по неизвестным по сей день причинам их имена были в последний момент вычеркнуты из списка высылаемых. А.Ф. Лосев, в свою очередь, не мог попасть в этот список по причине своей молодости, хотя его незаурядное дарование уже начало себя проявлять и в ближайшие годы развернется во всей своей силе.

1920-е годы были, пожалуй, наиболее удивительным периодом в советской истории. Никогда более за последующие шестьдесят лет своего существования СССР не переживал столь мощного культурного подъема, можно сказать, взлета. Один за другим появляются шедевры искусства в самых разных его видах (литература, музыка, изобразительное искусство, театр, кинематограф и даже фотоискусство) при фактическом равноправии различных эстетических систем, таких, как авангард, революционный романтизм, классический реализм. Столь же заметны были достижения в научной сфере, причем не только в естествознании, но и в гуманитарном знании – филологии (лингвистике и литературоведении), психологии, в какой-то степени в исторической науке. Вместе с тем, 20-е годы стали временем становления советского мировоззренческого официоза – платформы марксистско-ленинской философии в соответствии с установками философского завещания В.И. Ленина – статьи «О значении воинствующего материализма». И все же вряд ли можно обнаружить сколь-нибудь значимые в философском смысле свершения в марксизме тех лет. Высокое качество философствования демонстрировали в своих трудах лишь те философы, которых можно назвать «последними из могики» русской философии на советской почве, о творчестве таких мыслителей и пойдет далее речь.

Густав Густавович Шпет (1879–1937) по мнению ряда историков русской философии, был «самым западным из русских философов». Шпет стоит у истоков русской феноменологии. Еще в царской России он создал самобытный вариант трансцендентальной феноменологии, на Западе связанной с именем Эдмунда Гуссерля. С Гуссерлем Шпет был лично знаком и состоял в переписке. В 20-е годы, уже в СССР, он, отталкиваясь от трансцендентальной феноменологии, приступает к построению нового концепта – феноменологической герменевтики. Его продвижение в герменевтическом направлении было для отечественной философии также пионерским.

Парадоксально, но именно 20-е годы стали пиком научно-философской активности в творчестве Г.Г. Шпета. Хотя он был отстранен в 1921 году от преподавательской работы в МГУ, но в 1923 году Шпет возглавил философское отделение Российской академии художественных наук, с 1927 года – ГАХП. В том же году он стал вице-президентом этой академии. В эти годы им было написано множество

работ по психологии, истории философии, эстетики, но особое значение имели его труды в области философии языка. Именно в этой сфере пролегал путь герменевтических изысканий русского мыслителя. Характерной особенностью подхода Шпета было то, что отправным пунктом его герменевтического проекта была эстетика (искусство). Для сравнения, можно вспомнить, что у создателя европейской модели современной герменевтики, как философского направления, Г.Г. Гадамера эстетика стала завершающим этапом герменевтической программы. При этом свой вариант герменевтики Гадамер разработал гораздо позднее, после второй мировой войны.

Первой крупной герменевтической работой Шпета стала книга 1923 года «Эстетические фрагменты». В этом содержательно-емком сочинении Г.Г. Шпет развертывает свое понимание культуры, места искусства в культуре, а, главное, роли слова в создании артефактов искусства и культуры. Воспринимаемое слово решает в первую очередь главную свою задачу – быть понятым. При этом слово многофункционально: «Слово – есть чувственный комплекс, выполняющий в общении людей специфические функции: основным образом – семантические и синсемантические и производным – экспрессивные и дейктические (указание, призыв, приказание, жалоба, мольба и т.д.)» [1, с. 380]. Как средство общения слово не столько явление природы, сколько принцип культуры. Шпет четко формулирует: «Слово есть архитип культуры; культура – культ разума, слова – воплощения разума» [1, с. 380]. Именно в области исследования слова, скрещиваются феноменологические и герменевтические методы. Шпет пишет об этом так: «Только строгий феноменологический анализ мог бы установить, чем отличается восприятие звукового комплекса, как значащего знака от восприятия естественной вещи. Слова – понятия: «вещь» и «знак» – принципиально гетерогенны, и только точный интерпретативный метод, мог бы установить пределы и смысл каждого» [1, с. 381]. «Интерпретативный» в данном контексте означает герменевтический. Сам феномен слова русский философ трактует предельно широко – словом может быть любая синтаксическая «связь слов», а посему словом может считаться книга, литература, речь, языки всего мира, наконец, вся культура. Может быть в полухитку, а с юмором у Шпета было все в порядке, он утверждает, что в метафизическом контексте «ничто не мешает и космическую вселенную рассматривать как слово» [1, с. 381].

Следующей большой работой по философии языка стала книга «Внутренняя форма слова», опубликованная в 1927 году. В ней он продолжает исследовать слово как исходную единицу структуры всех феноменов духовной культуры. При этом «внутренняя форма слова» (понятие, введенное Шпетом, с оглядкой на разработку «внутренней формы языка» Вильгельма фон Гумбольдта) выступает непосредственным определением смысла, за которым всегда стоит некое культурное значение. В этом своем сочинении Шпет окончательно отходит от трансцендентальной феноменологии, которая теперь для него оказывается слишком субъективной. Герменевтический подход, устраняя субъективность, позволяет достичь той целостности целого, которая теряется в итоге феноменологической редукции. Путь Г.Г. Шпета от феноменологии к герменевтике в свое время был проанализирован в одной из статей В.В. Калиниченко. Он показал, что главной предпосылкой герменевтического опыта у Шпета выступает «устойчивость и объективная прозрачность закономерностей самого смысла, формообразований слов-понятий» [2, с. 58]. При этом понятие и смыслы взаимопределяют и взаимопредполагают друг друга. В Этом Калиниченко усматривает своеобразие Шпетовской трактовки герменевтического круга. Густав Густавович отказывается от феноменологической интенциональной трактовки предметности, поскольку интенциональность в данном случае лишь свойство сознания субъекта. Герменевтический подход предполагает в свою очередь онтологическое истолкование предметности. Продукты актов сознания (познания) нельзя, как это делают феноменологи, «редуцировать к чистому субъекту, – поскольку – хотя мы и получим в результате «трансцендентальное Эго», но необратимо потеряем предметное содержание». Герменевтический же взгляд на проблему полагает, что, поскольку «субъект дан в продуктах его творчества, то он не только субъект, но и объект, правда, совершенно специфический – «сообъект»» [2, с. 59].

Позиция Г.Г. Шпета в его герменевтическом повороте перекликается со славянофильской концепцией «живознания», особенно с такой его характеристикой как гносеологический онтологизм, когда в акте познания усматривается целостное схватывание субъектом объекта, слияние субъекта и объекта в единое целое. Но философия Шпета была не только ретроспективна, но и перспективна. Его работы оказали сильнейшее влияние на русскую ветвь лингвистического структурализма (имеется в виду Пражский лингвистический кружок и вся последующая научная эволюция Р.О. Якобсона). Его интерпретация заложенного в языке исходного знания как первоэлемента «толкового языка науки» намного опередила философские поиски последующих поколений герменевтиков.

В 1928 году Г.Г. Шпет был выдвинут в действительные члены его академии. Но академиком он так и не стал, более того именно с этого года начинается «черная полоса» его жизни. На него накладывается полный запрет на преподавательскую деятельность. Гений мыслителя какое-то время реализуется в переводческой работе. Шедевром философского перевода по сей день остается его перевод «Феноменологии духа» Гегеля. Кроме философских сочинений, он блестяще переводит художественную литературу, произведения Ч. Диккенса и др. авторов. В 1935 году Г.Г. Шпет был арестован и через два года расстрелян. Особый трагизм посмертной судьбы Шпета заключается в том, что и сегодня

значительная часть его наследия недоступна научно-философскому сообществу, не опубликованы десятки его рукописей, в том числе несколько фундаментальных монографий.

Не менее трагичной была участь представителя русской «философии всеединства» отца Павла Александровича Флоренского (1882 – 1937). В 1911 году выпускник физико-математического факультета Московского университета П.А. Флоренский был рукоположен в сан священника. Еще до революции 1917 года им был написан ряд философских и богословских работ, в том числе самое фундаментальное его сочинение «Столп и утверждение истины». В 1918 году священник Флоренский поступает на государственную службу, в которой видит служение своему народу. С этого года он был членом Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, с 1920 года начинает заниматься исследовательской работой сначала в Главэлектро ВСНХ РСФСР, а затем в экспериментальном электротехническом институте, где он создал и возглавил лабораторию испытания материалов. С начала 20-х годов Флоренский активно занимается проблемами эстетики и в 1921 году был избран профессором ВХУТЕМАС по кафедре «Анализ пространственности в художественных произведениях» на печатно-графическом факультете. С 1927 года он становится одним из редакторов «Технической энциклопедии», в которой опубликовал около 150 статей.

В советский период своей творческой жизни П.А. Флоренский не пишет крупных работ и лишь эпизодически обращается к богословской проблематике. Правда, как выше отмечалось создает ряд важнейших работ по эстетике – в основном по эстетике иконописи, в их числе «Иконостас», «Обратная перспектива», «Анализ пространства и времени в художественно-изобразительных произведениях». Правда, при жизни автора были опубликованы лишь фрагменты этих сочинений, а полностью они были опубликованы в 60-90-е годы прошлого века. В созданной отцом Павлом «философии иконы» икона предстает высшим символом духовной реальности, ибо икона не только «окно в иной мир», но и «свидетель этого мира». Прием обратной перспективы, применяемый в иконописи, позволял, согласно Флоренскому, создавать такую организацию времени-пространства (позднее М.М. Бахтин обозначит его термином «хронотоп»), которая была бы способна преодолевать чувственную видимость и создавать объективные символы действительности, которые могут раскрывать неизменное и общезначимое в действительности, а именно – духовную реальность. Отец Павел не устает отстаивать тезис о необходимости сохранения икон в их оцерковленном бытии. Иконы, вырванные из иконостаса и водруженные на стены музейных залов утрачивают свое эстетическое воздействие, лишаются важнейших своих эстетических свойств – возвышенной красоты, духовного величия, гармонии цвета и светоносности. В цикле статей, посвященных Троице-Сергиевой лавре этот мотив звучит особенно отчетливо: «Художественное произведение живет и требует особых условий своей жизни, в особенности – своего благоденствия, и вне их, отвлеченно от конкретных условий своего художественного бытия, – именно художественного, – взятое, оно умирает или по крайней мере переходит в состояние анабиоза, перестает восприниматься, а порою – и существовать как художественное» [3, с. 215]. Музеи как раз и выполняют эту функцию – «уничтожение художественного предмета как живого», ибо берется это произведение как вещь, экспонат, который можно, откуда угодно и куда угодно переместить, и где угодно поместить. Наблюдая гонение новых властей на церковь, священник хотел убедить большевиков в необходимости сохранения церковных соборов, хотя бы в качестве музеев религиозного искусства. Он обращает внимание членов комиссии по охране Троице-Сергиевой лавры, прежде всего представлявших советскую власть, на то, что лавра есть «своего рода опытная станция и лаборатория для изучения существеннейших проблем современной эстетики, отчасти подобная, например, современным Афинам, так чтобы теоретическое обсуждение проблем церковного искусства происходило не отвлеченно от действительного осуществления этих задач искусства, но перед лицом эстетического феномена теоретические рассуждения контролирующего и питающего» [3, с. 214]. Большевики, естественно к словам Флоренского не прислушались. Троице-Сергиеву лавру, правда, сохранили, но сколько храмов было разрушено, сколько икон сожжено, так что тем иконам, которые оказались на стенах музеев, можно считать – повезло.

В 20-е – 30-е годы П.А. Флоренский активно ведет научно-исследовательскую работу. Он был выдающимся ученым – математиком, физиком, биологом, автором множества инженерно-технических изобретений. Уже в молодые годы Флоренский, обратившись первым в России к разработке теории множеств, формулирует в работе «О символах бесконечности» (1904) принцип «философии математического синтеза» в рамках концепции «математического идеализма». Он полагал, что в чистой математике уже содержатся все закономерности бытия, поскольку она выступает самообнаружением всех принципов мышления. При этом точку и число он понимал как «умные первоорганизмы», наподобие лейбницевских монад. В 20-е годы в книге «Мнимости в геометрии» он разрабатывает конечную модель Космоса, в рамках которой Человек и Земля рассматриваются как средоточие творения. В этой концепции он синтезирует теории относительности А. Эйнштейна и аристотелевской метафизики. Тогда же в переписке с В.И. Вернадским он выдвигает понятие – «пневмосферы», созвучное термину «ноосфера» адресата, которую трактует как особую сферу стойких вещественных образований, преобразенных духом.

С 1928 года П.А. Флоренский, как в это же время и Г.Г. Шпет, начинает испытывать на себе репрессивное давление большевистских властей. Его высылают из Москвы. Правда, вскоре возвращают

из ссылки, но с запретом на преподавательскую и публикаторскую деятельность. Арестованный в 1933 году, отец Павел продолжает свои научные изыскания в шарашках (так прозвали научно-исследовательские лаборатории, работавшие за колючей концлагерной проволокой). Павел Александрович Флоренский был расстрелян в 1937 году. Но и после смерти святой отец внес свой вклад в победу над фашизмом. Его научные исследования легли в основу разработки кислородных аппаратов для советских подводных лодок.

На 20-е годы приходится первый творческий взлет молодого тогда гения русской мысли, продолжателя русской философской традиции Алексея Федоровича Лосева (1893-1988). Закончив историко-филологический факультет Московского университета по отделениям «философия» и «классическая филология» в 1915 году, уже в 1919 году он становится профессором Нижегородского университета, а в 20-е годы работает профессором Московской консерватории. С 1927 по 1930 год Лосев опубликовал 8 книг, а именно – 1000-страничный труд «Очерки античного символизма и мифологии», «Античный космос и современная наука» в 500 страниц, примыкающие в рамках античной тематики к первым двум сочинениям монографии «Критика платонизма у Аристотеля» и «Диалектика числа у Плотина», две работы по эстетике «Музыка как предмет логики» и «Диалектика художественной формы». Но все же наиболее четкое и полное воплощение концептуального своеобразия авторской позиции было осуществлено в двух трудах из первого лосевского «восьмикнижия» – «Философия имени» и «Диалектика мифа», а также в двух работах – «Вещь и имя» и «Самое само», написанных тогда же, но пришедших к читателям только в 90-е годы прошлого века. Ориентируясь на православный неоплатонизм и исихатские доктрины синергии и имяславия, Алексей Федорович приступает в этих четырех сочинениях к разработке своей оригинальной системы – диалектико-феноменологической философии, центральными в которой были концепции имени, символа, мифа.

Имя трактуется им сугубо онтологически как встреча смыслов мысли и предметного бытия. В слове-имени – улавливается символ-сущность исследуемого феномена, по сути, это платоновско-гуссерлианский эйдос – единство чувственного и умственного содержания. Но наибольшую полноту имя обретает в мифе, который идет дальше символа ко всей полноте реальности. Миф, по Лосеву, является не вымыслом, а «самим бытием» в его глубинном самораскрытии. Вместе с тем миф есть «личность» в той ее ипостаси, где она пересекается с «мифическим сознанием», которая во многом совпадает с историческим сознанием, по сути своей являющейся мифом. В свою очередь самосознание истории всегда выражается в именах-словах. В этом плане миф есть данное в словах «личностная история». Конечно, православный персонализм А.Ф. Лосева, да еще в феноменологической интерпретации, (сам он именовал свой путь в философии «символогией» как бы в продолжении «эйдологии» Платона) был не просто чужд, но совершенно противоположен марксистской доктрине. Правда, занятые идеологической перепалкой друг с другом большевистские философы-функционеры до какого-то времени не замечали публикаций профессора Лосева. Так продолжалось вплоть до выхода в свет последней книги из «восьмикнижия» «Диалектики мифа». «Воинствующие материалисты» не могли простить Лосеву раскрытие мифологического характера атеизма и материализма, в том числе диалектического, да еще и отнесения этой доктрины к мифологии низшего порядка.

Русский философ выделял абсолютную и относительную мифологию. Абсолютная мифология «существует как единственная возможная картина мира, и ни один принцип ее не подвергается никакому ущербу» [4, с. 198]. В свою очередь относительная мифология «не понимает своей мифологической природы, увлекается частностями, уродует диалектику, то есть самый разум для того, чтобы сохранить свое ущербное и отъединенное существование [4, с. 199]. Особенно четко эти два вида мифологии различаются по их отношению к вере и знанию. Относительная мифология мечется между «знанием без веры» и «верой без знания». Абсолютная мифология делает единственно верный выбор – признает «одинаковую, совершенно равноправную ценность и веры, и знания». Синтез веры и знания дает, согласно Лосеву, новое образование – ведение (гносис). Как пример гносиса абсолютной мифологии, автор «Диалектики мифа» приводит «Апокалипсис» «Нового Завета». Апокалипсические образы несут в себе признаки как знания, так и «мистерии веры».

Примеры относительной мифологии Лосев находил в фидеизме, рационализме, буржуазном индивидуализме и многом другом, в том числе в диалектическом материализме. Острая критика диалектического материализма, кладущего в основу бытия материю, стала причиной последующих бед философа. Лосев был убежден в равноправии принципов материи и идеи, а диалектика в его трактовке свидетельствует об их полной слитости «в один неразделимый принцип». Но профессор не ограничился теоретической проработкой проблемы. В «Диалектике мифа» он едко высмеивает убогие приемы мифологизированной идеологии. Вот, к примеру, такой сатирический пассаж из этой книги: «С точки зрения коммунистической мифологии, не только «призрак бродит по Европе, призрак коммунизма»..., но при этом, «копошатся гады контрреволюции», «воют шакалы империализма», «оскаливает зубы гидра буржуазии», «зияют пастью финансовые акулы» и т.д., тут же снуют такие фигуры, как «бандиты во фраках», «разбойники с моноклем», «венценосные кровопускатели», «людоеды в митрах», «рясофорные скулодробители»... Кроме того, везде тут «темные силы», «мрачная реакция», «черная рать мракобесов»; и в этой тьме – «красная заря» «мирового пожара», «красное знамя восстания»... Картинка! И после этого говорят, что после этого нет никакой мифологии» [3, с. 103]. Профессор Лосев вынес официальной

філософії більшовистського режиму дуже жорсткий вирок: «...діалектичний матеріалізм єсть вопіюча нелепість, повне поспрание всякої діалектики і типичніша буржуазна абстрактна метафізика» [4, с. 123].

Цей прямий виклик, звичайно, не міг не викликати офіційної реакції. Найбільш печальне, що з зубодробильною критикою поглядів Лосєва виступив не тільки сталінський клеветник Л.М. Каганович, а й великий російський письменник А.М. Горький. В кінці 1917 – на початку 1918 року Олександр Максимович виступив з рядом газетних публікацій, пізніше об'єднаних в книгу «Несвоевременные мысли», в яких першим з видатних діячів культури підверг критиці антинародний більшовистський режим Леніна. В 1930 році жутким знаком моральної слабкості пролетарського класика стала донощиківська критика російського філософа Лосєва, як класового ворога, який підлягає знищенню. Саме в адресу Лосєва була промовлена відома фраза А.М. Горького: «Если враг не сдается, его уничтожают».

В тому ж 1930-му році А.Ф. Лосєв був арештований і засуджений на 10 років ув'язнення. Але три роки потому він був досрочно звільнений. Грало свою роль, такі ось парадокси радянської дійсності, заступництво сестри Леніна М.І. Ульянової і дружини Горького Е.П. Пешкової. Крім того, Олександр Федорович отримав можливість вести викладацьку роботу, спочатку професором МГУ, а з 1944 року і до кінця життя – професором Московського державного педагогічного інституту, не тільки в сфері класическої філології. Вплоть до смерті Сталіна Лосєву було заборонено публікувати свої філософські твори.

Новий творчий злет Олександра Федоровича Лосєва починається з середини 50-х років минулого століття. Йому було написано друге «восьмикнижје» – не маюча аналогів в світовій практиці «Історія античної естетики» в 8 томах, які виходили в світ з 1963 року по 1992 рік. Останні два томи були опубліковані вже померлим. При житті філософа прийшли до читачів і ряд інших великих творів, в тому числі «Антична міфологія в її історичному розвитку» (1957), «Гомер» (1960), «Естетика Відродження» (1978). Серед багатьох померлих видань творів А.Ф. Лосєва можна виділити републікацію першого «восьмикнижја» і перше видання написаних тоді ж творів «Вещь и имя» і «Самое само». Були опубліковані і твори, писані раніше, що називається, в стол, без надії на видання в СРСР, такі як, монографія «Владимир Соловьев и его время» (1990), збірка художественної прози «Жизнь» (1993) і ряд інших. Особливо хотілось би виділити численні словникові статті для 5-томної «Філософської енциклопедії», виходившої в світ з 1960 по 1970 рік, в їх числі статті «Філософія» і «Естетика». Саме лосєвські статті, як і його книги, стали путівною ниткою для студентів і аспірантів філософських факультетів, а можливо і інших спеціальностей, в світ справжнього філософствання за межами заідеологізованого догматики марксизму-ленінізму. Вся життя гениального філософа Олександра Федоровича Лосєва стала творчим підвигом. Він був в числі небагатьох радянських мислителів, відстоювалих честь великої російської філософії.

Бібліографічний список використаної літератури

1. Шпет Г.Г. Естетическі фрагменти / Г.Г. Шпет // Твори. — М.: Вид-во «Правда», 1989. — С. 345–472.
2. Калініченко В.В. Густав Шпет: від феноменології до герменевтики / В.В. Калініченко // Логос. Філософсько-літературний журнал. — 1992. — № 3. — С. 37–61.
3. Флоренський П.А. Храмове дієство як синтез мистецтв / П.А. Флоренський // Проблеми релігійного самопізнання. — М.: ООО «Видателство АСТ», 2004. — С. 213–232.
4. Лосєв А.Ф. Діалектика міфу / А.Ф. Лосєв // Міф – число – сутність. — М.: Мисль, 1994. — С. 5–216.

Поступила в редакцію 28.02.2012 г.

Шенгелая Й.Ш. Не потрапив на пароплав: невідомі мислителі в СРСР 1920-х років (Г.Г. Шпет, П.А. Флоренський, А.Ф. Лосєв)

Аналізується філософське творчість Г.Г. Шпета, П.А. Флоренського, А.Ф. Лосєва в 1920-і роки і виділяється немарксистський характер їх філософствання.

Ключові слова: феноменологія, герменевтика, філософія ікони, ім'я, міф, абсолютна і відносна міфологія.

Shengelaya I. Those not on the ship: non-Soviet thinkers in the USSR of the 1920s (G. Shpet, P.A. Florensky, A.F. Losev)

We analyze the philosophical work of G. Shpet, P. Florensky, A. Losev in 1920 and point at non-Marxist nature of their philosophizing.

Keywords: phenomenology, hermeneutics, philosophy of the icon, name, myth, the absolute and relative mythology.